

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В. И. ПИНЧУК

В И Н А

Учебное пособие



**Санкт-Петербург
1998**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. И. ПИ Н Ч У К

В И Н А

Учебное пособие

Санкт-Петербург
1998

ББК 67.99(2)8

Пинчук В. И. Вина: Учебное пособие. СПб., 1998. 32 с.

Рецензенты:

1. Старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского Государственного университета, кандидат юридических наук Н. И. ПРЯХИНА.

2. Заместитель Кировского городского прокурора Ленинградской области, кандидат юридических наук А. В. САЛЬНИКОВ.

Учебное пособие посвящено сложной в теоретическом и практическом плане теме, актуальность которой значительно возросла в связи с принятием нового Уголовного кодекса РФ. Автор останавливается на характеристике вины — основном, определяющем признаке субъективной стороны преступления, анализирует формы вины и обстоятельства, связанные с невиновным причинением вреда. В работе широко использована судебно-следственная практика.

Работа адресована, в первую очередь, студентам, аспирантам и слушателям Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, но может быть полезна и практическим работникам.

ISBN 5–89094–045–7

I. ПОНЯТИЕ ВИНЫ (ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

Любое преступление представляет собой единство объективных и субъективных признаков, характеризующих поведение лица, совершившего общественно опасное деяние.

Объективная сторона — это внешняя форма деяния, выражающаяся в действии или бездействии, последствиях и причинной связи между деянием и преступными последствиями.

Субъективную сторону преступления составляют психические процессы, сопровождающие его совершение от момента возникновения первичных психических импульсов, связанных с противоправным поведением, до момента выработки устойчивого психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям (вина).

Вина — основной, но не единственный признак субъективной стороны преступления. Сюда же относятся мотив — побуждение, в силу которого действует виновный; цель — общественно вредный результат, к достижению которого он стремится; эмоции — переживания действующего лица, сопровождающие совершаемое им преступление.

Вопрос о вине как субъективной предпосылке уголовной ответственности всегда занимал первостепенное место среди правовых проблем. Психической нитью, связывающей деятеля с преступным результатом его действий, называл вину А. Н. Трайнин¹.

Своеобразно определяют роль объективных и субъективных (психологических) факторов в обосновании уголовной ответственности С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев: “Человек может быть привлечен к уголовной ответственности, когда общественно опасное деяние было не только “делом его рук”, но и продуктом его сознания и воли”².

Психологическая наука свидетельствует, что сознание имеет свою структуру, свои компоненты, посредством чего человек познает, отражает различные процессы и явления, а в конечном итоге регулирует свое поведение и свою деятельность³.

Исследованию признаков субъективной стороны преступления, являющихся основанием уголовной ответственности, или несколь-

¹ Трайнин А. Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. С. 259.

² Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 108.

³ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 280.

ко уже — исследованию вины, уделено много внимания в теории как российского, так и зарубежного уголовного права.

На важное обстоятельство при определении вины указывает И. С. Самощенко: “Вина — это конкретное психическое отношение лица к своему конкретному внешнему поведению и его последствию, а не состояние психики данного лица вообще...”

Психическое — область деятельности человеческого мозга: оно не только пронизывает всю внешнюю сторону действий человека, направляя и руководя ею на всех этапах, но и предшествует ей”⁴.

Принцип виновной ответственности — элементарное условие правильной юридической и социально-нравственной оценки поведения человека. П. С. Дагель и Д. П. Котов, раскрывая сущность принципа виновной ответственности, писали: “Принцип вины устанавливает, что лицо подлежит уголовной ответственности лишь тогда, когда совершенное им общественно опасное деяние зависело от личности, когда лицо было способно воздержаться от причинения вреда обществу”⁵.

П. С. Дагель отмечал: “...применяемая к невиновным лицам, уголовная ответственность бесцельна и вредна: она не в силах предупредить совершение деяний, общественно опасный характер которых лицо не может или не должно сознавать; невиновное лицо не нуждается в исправлении и перевоспитании; наконец, на окружающих это может оказать лишь отрицательное воздействие”⁶.

Известный представитель уголовно-правовой науки дореволюционной России П. П. Пусторослев, опираясь на гегелевское понимание права, указывал на роль сознания и воли правонарушителя как на основание его уголовной ответственности. Он писал: “По мнению Гегеля, право есть абсолютная, разумная, свободная, несокрушимая общая воля. Правонарушение — это разлад между нею и индивидуальной волей... Если же индивидуальная воля сознательно и открыто восстает против общей, отрицает последнюю в самом принципе, это отклонение составляет уголовное правонарушение”⁷.

В науке уголовного права одно время наблюдалась тенденция включать в понятие вины помимо психического отношения лица к своим действиям и их последствиям и ряд объективных показате-

⁴ Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 130, 137.

⁵ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 14.

⁶ Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток, 1968. С. 12.

⁷ Пусторослев П. П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892. С. 143.

лей, рассматривать вину в “широком” и “узком” смысле слова, противопоставлять понятия “вина” и “виновность”⁸.

В. Г. Макашвили видит причину этого в заимствовании принятого в уголовном процессе понятия “виновность”, используемого для суммарного обозначения всех моментов, принимаемых во внимание при вынесении приговора⁹.

Б. С. Утевский считал возможным рассматривать вину в двух планах: как общее основание уголовной ответственности и в качестве признака субъективной стороны состава преступления.

“Вина как общее основание уголовной ответственности,— писал он,— включает в себя и вину как субъективную сторону преступления. Но она включает в себя и многое другое”¹⁰.

“Многое другое”, по мнению Б. С. Утевского,— это “...факты из поведения подсудимого, а также другие фактические обстоятельства, как, например, обстановка, наличие и характер последствий и т. д., влиявшие на поведение обвиняемого, которые некоторыми авторами относятся исключительно к объективной стороне преступления, на самом деле имеют значение, подчас даже решающее, для разрешения вопроса о вине подсудимого и ее степени”¹¹.

Одним из авторов, пытавшихся расширить рамки вины за счет включения в ее содержание и объективных обстоятельств, был Ю. А. Демидов, писавший: “...вина не сводится к умыслу и неосторожности, а включает в себя и объективные обстоятельства преступления, в которых выражено отрицательное отношение виновного к ценностям общества”¹².

Думается, что Ю. А. Демидов таким образом отождествляет вину с составом преступления как совокупностью всех признаков, характеризующих преступление. Объективные обстоятельства, о которых пишет автор, это те видимые исследователю ориентиры, по которым судят о намерении лица, о его отношении к общественным ценностям, это результат утраты субъектом ценностной ориентации, отвечающей интересам общества, но это не вина.

Наука уголовного права в ходе дискуссий, преодолевая заблуждения и “увлечения”, выработала понятие вины.

⁸ Сергеева Т. Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М.—Л., 1950. С. 6 и др.; Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 57—58, 65—66 и др.

⁹ Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957. С. 6.

¹⁰ Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 9.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 124.

Вина — это предусмотренное уголовным законом психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершенному им деянию и его последствиям, выражающее пренебрежение этого лица к интересам личности и общества и осуждаемое обществом.

“Вина по своей сущности является психическим отношением субъекта к окружающей его социальной действительности: к общественным отношениям, к интересам общества, к его правовым требованиям, к другим членам общества”¹³.

Составными элементами психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям являются сознание и воля, что четко прослеживается в характеристике конкретных форм вины.

“Разные комбинации сознательного и волевого элементов образуют различные модификации вины. Поэтому интеллект и воля — суть элементы, совокупность которых образует содержание вины”¹⁴.

В дальнейшем, применительно к умыслу и неосторожности, мы специально остановимся на интеллектуальном и волевом аспектах вины.

Совершенно справедливо в юридической литературе отмечается взаимосвязь интеллектуального и волевого аспектов вины.

“В преступном деянии,— пишет В. А. Якушин,— характер интеллектуального момента предопределяет, как правило, и характер проявления воли. Разумеется, воля лица зависит не только от того, каково сознание, каков интеллект человека и как он проявляется. Она зависит и от других психологических, физиологических свойств и состояний личности, т. е. на нее влияет, так сказать, весь “психический склад” личности. Вот почему столь велика значимость интеллектуального момента психики лица как в разграничении форм вины, так и при отграничении виновного деяния от невиновного”¹⁵.

В Уголовном кодексе Российской Федерации вопросам вины посвящены, кроме специальной пятой главы, статьи 5 и 14.

В статье 5 наличие вины субъекта провозглашается в качестве одного из принципов уголовной ответственности.

Статья 14, содержащая понятие преступления, начинается с указания на виновное совершение общественно опасного деяния.

¹³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. С. 66.

¹⁴ Рагоз А. И. Вина в советском уголовном праве. Саратов, 1987. С. 87.

¹⁵ Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988. С.

В пяти статьях главы 5 определяются формы вины (ст. 24), дается характеристика умысла и неосторожности (ст.ст. 25, 26), предусматривается возможность ответственности за преступление, совершенное с двумя формами вины (ст. 27), и определяются условия невиновного причинения вреда (ст. 28).

В части 2 ст. 24 УК РФ сформулировано новое для нашего права чрезвычайно важное положение об условиях ответственности за неосторожное преступление. В ней говорится: “Деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса”.

Роль этой нормы в укреплении законности в уголовно-правовой сфере очевидна. После ее внесения в Уголовный кодекс совершенно неукоснительно должно применяться правило, согласно которому, если в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса не указано, что за предусмотренное в ней преступление может последовать ответственность и за неосторожное его совершение (только при наличии неосторожности или наряду с умыслом), ответственность наступает лишь при наличии умысла.

К сожалению, приходится указать на несогласованность принципиальных и четких установок Общей части с практическим конструированием норм Особенной части.

Реальная картина такова. Из 256 статей Особенной части УК РФ 44 без особых сомнений относятся к составам, предполагающим возможность ответственности при наличии неосторожной вины (исключительно или альтернативно с умыслом).

Непосредственно в название статьи указание на неосторожность внесено в пяти случаях (ст. 109 — причинение смерти по неосторожности; ст. 118 — причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности; ст. 168 — уничтожение или повреждение имущества по неосторожности; ст. 224 — небрежное хранение огнестрельного оружия; ст. 347 — уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности).

В 18-ти случаях вывод о неосторожной вине можно сделать из диспозиции статьи. Например, в диспозиции содержится указание на небрежное отношение к службе (ст. 293 — халатность), на причинение по неосторожности тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека (ст. 143 — нарушение правил охраны труда) и т. п.

В остальных статьях, допускающих ответственность за неосторожные преступления, нет даже упоминания о неосторожной вине.

В одном из комментариев к УК РФ 1996 года настойчиво рекомендуется в этих случаях привлекать к уголовной ответственности только при наличии косвенного умысла. Это, в частности, относится к статье 246 — нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ. К числу упомянутых в ней деяний относятся проектирование, размещение, строительство, ввод в эксплуатацию и эксплуатация промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов, если это повлекло тяжкие последствия, в том числе причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных. Определяя субъективную сторону этого преступления, авторы комментария пишут: “Субъективная сторона данного преступления характеризуется наличием косвенного умысла. В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ данное преступление не может быть совершено по неосторожности, поскольку *об этом прямо не говорится* в ст. 246. Лицо осознает, что оно нарушает правила охраны окружающей среды, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий и сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично...”¹⁶.

Авторы комментария явно не приняли во внимание многочисленные факты российской действительности, когда проектирование и строительство производств, таящих опасность экологических бед, производилось неквалифицированно, в условиях благодушия комиссий, принимающих их и пускающих в эксплуатацию иногда без законченных очистных сооружений, в расчете на то, что “потом построим”. Ясно, что такие факты свидетельствуют о неосторожной вине¹⁷.

В соответствии со статьей 24 УК РФ виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Сущность названных в этой статье форм вины рассматривается в последующих разделах пособия.

II. УМЫСЕЛ

В соответствии с ч. 1 ст. 25 УК РФ умысел бывает *прямым и косвенным*. Впервые такое деление закреплено законодательно, хотя на наличие двух видов умысла указывалось и в прежних уголовных кодексах (ст. 8 УК РСФСР 1960 г.).

¹⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. проф. А. В. Наумов. М.: Юристъ, 1996. С. 604.

¹⁷ См. об этом: Пинчук В. И. Ответственность за неосторожные преступления по новому УК // Законность. 1997. № 4.

Согласно ч. 2 ст. 25 *“преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления”*.

Рассмотрим более подробно интеллектуальный момент прямого умысла.

По сравнению со ст. 8 УК РСФСР в Уголовном кодексе РФ характеристика прямого умысла претерпела некоторые изменения. Кроме предвидения *возможности* наступления общественно опасных последствий закон альтернативно предусматривает и предвидение их *неизбежности*. Это целесообразное дополнение. Установление факта предвидения неизбежности наступления общественно опасных последствий может оказать влияние и на решение вопроса о волевой направленности поведения лица, действующего умышленно. Лицо, осознающее неизбежность наступления последствий своих действий и совершающее эти действия, доказывает, что оно заинтересовано в их наступлении, то есть желает наступления этих последствий.

На связь осознания неизбежности последствий с прямым умыслом указывал Ю. А. Демидов: *“В отношении последствий, неразрывно связанных с действием, т. е. неизбежно следующих за ним немедленно или по истечении некоторого времени, возможно только желание их наступления”*¹⁸.

Предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий означает и предвидение развития причинной связи между совершенными действиями и их общественно опасными последствиями.

Б. С. Никифоров, говоря о предвидении применительно к компонентам вины, писал: *“Предвидение — это по существу тоже сознание, включающее в себя представление об опасности действия и его причинной связи с наступившим вредом”*¹⁹.

Речь идет о последствиях, характерных для каждого конкретно преступления (утрата имущества для владельца, вред здоровью и т. п.).

По мнению А. А. Пионтковского, *“предвидение всех фактических обстоятельств, принадлежащих к объективным признакам состава данного преступления, когда речь идет о так называемых материальных преступлениях, включает в себя еще и предвидение*

¹⁸ Демидов Ю. А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: Автореф. канд. дис. М., 1964. С. 10.

¹⁹ Никифоров Б. С. Субъективная сторона в формальных преступлениях // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 118.

развития причинной связи между совершенными действиями и наступившим преступным результатом. Для наличия умысла достаточно, чтобы это предвидение развития причинной связи выразилось лишь в общих родовых чертах²⁰.

Ф. Лист, характеризуя интеллектуальный момент умысла, писал: «Для умысла требуется представление о всех обстоятельствах дела, входящих в понятие преступления (включая и последствия). Если в представлении отсутствует хотя бы один из этих признаков, умысел исключен и может иметь место неосторожность²¹».

По его мнению, если действующее лицо считало наступление последствий неизбежным, умысел является прямым²².

Интеллектуальный момент умышленной вины включает *осознание лицом общественной опасности* своих действий (бездействия). Что именно должно осознавать действующее лицо?

В общем плане можно сказать, что виновный должен сознавать вредность своих деяний для общества, для других людей. Говоря конкретнее, лицо должно осознавать характер объекта преступления, понимать, каким ценностям, благам, интересам оно причиняет или может причинить вред.

На практике продолжает оставаться актуальным вопрос о разграничении хулиганства и посягательства на личность. В этой части ошибки довольно часты.

Представим ситуацию. Муж, зайдя в заводской клуб, где проводились мероприятия, связанные с днем 8 Марта, увидел жену, оживленно беседующую с сидящим рядом молодым человеком. Это ему не понравилось. Он подошел к жене, обругал ее, ударил по лицу и, схватив за волосы, потащил к выходу. В зале началось беспокойство, некоторые из присутствующих покинули зал, начало концерта задержалось.

Можно ли расценить ситуацию как посягательство на личность? Думается, что это хулиганство. Виновным осознавалась направленность его действий не только на личность, но и на общественный порядок. Недовольство женой можно отнести к поводам виновного поведения.

Осознание общественной опасности деяния означает и осознание всех фактических обстоятельств дела.

Известно, какое значение для квалификации имеет установление способа хищения.

²⁰ Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 348—349.

²¹ Франц фон Лист. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 199.

²² Там же. С. 184.

Считая, что он действует тайно, преступник совершил кражу с проникновением на склад ТОО. Допрошенный при расследовании свидетель показал, что видел человека, крадущегося вдоль стены по направлению к складу, понял его намерение, но вмешиваться не стал, боясь поплатиться за это. Изменит ли это квалификацию? Превратит ли кражу в грабеж? Нет — важно, как оценивал способ своих действий виновный.

В части 2 ст. 105 УК РФ в качестве квалифицированного убийства предусмотрено убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Практика показывает, что нередко это обстоятельство и является поводом для убийства. Что в данном случае должен осознавать виновный? Это следует из самой формулировки закона “убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности”. Виновному факт беременности должен быть известен (осознаваться им) до убийства.

При расследовании хищения в крупном размере может возникнуть необходимость в обосновании того факта, что виновный осознавал, на какой размер похищенного он посягал. Особенно это важно в тех случаях, когда виновный просчитался, по не зависящим от него обстоятельствам размер похищенного не оказался крупным (например, зарплату, которую он хотел похитить, выдали досрочно).

Определение косвенного умысла дано в ч. 3 ст. 25 УК РФ: *“Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично”*. Из определения видно, что для косвенного умысла, в отличие от прямого, закон не содержит указания на предвидение неизбежности наступления преступных последствий. Но главное их различие в волевом моменте — при косвенном умысле желание наступления общественно опасных последствий исключается.

Новый Уголовный кодекс различает две разновидности нежелания наступления последствий: *сознательное их допущение* и *безразличное к ним отношение*. Таким образом узаконена позиция по этому вопросу уголовно-правовой теории и судебной практики.

В литературе встречается обоснованное мнение, что желание или нежелание наступления общественно опасных последствий правильнее именовать мотивационно-волевым моментом умысла,

так как “воля без мотивов и целей не реализуема. Волевые действия вменяемого лица всегда мотивированны и целенаправленны”²³.

В том же комментарии правильно указано, что умысел при формальных составах “включает в себя лишь осознание общественной опасности действия (бездействия) и желание его совершения”²⁴.

В законе нет указания на правовые последствия отнесения умысла конкретного субъекта к разряду прямого или косвенного, хотя интуитивно лицо, действующее с прямым умыслом, воспринимается как более общественно опасное. Высшие судебные инстанции и в прошлом и в настоящее время между тем подчеркивают важность различия прямого и косвенного умысла. Это приобретает особую остроту при решении вопроса о квалификации покушения на убийство. В п. 3 постановления Пленума Верховного суда РСФСР № 15 от 22 декабря 1992 г. “О судебной практике по делам об умышленных убийствах” по этому поводу сказано: “...покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда действия виновного свидетельствовали о том, что он предвидел наступление смерти, желал этого, но смертельный исход не наступил в виду обстоятельств, не зависящих от его воли”. И далее в п. 20 того же Постановления Верховный суд РСФСР указал: “При назначении наказания за умышленное убийство суды обязаны учитывать совокупность всех обстоятельств, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель...”²⁵.

Практика твердо стоит на том, что квалификация действий виновного как покушение на убийство возможна лишь при условии установления в его действиях прямого умысла на лишение жизни потерпевшего.

Однако ошибки в этом отношении довольно часты. Вот одна из них.

Алтайский краевой суд осудил Михалева за покушение на убийство Погудина из хулиганских побуждений. Основанием для этого послужило то, что Михалев, находясь в нетрезвом состоянии, встретил незнакомого ему Погудина, достал из кармана нож и, подойдя к нему вплотную, нанес удар в грудь. После этого Михалев обратился к Погудину со словами: “Что, тебе мало? Еще?”, на что потерпевший ответил: “И так в сердце”. В результате своевременной операции жизнь потерпевшего была спасена. По заключению судебно-медицинского эксперта потерпевшему были причинены телесные повреждения в виде проникающей в плевральную полость раны сердечной сорочки и передней стенки левого желудочка сердца.

²³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. проф. А. В. Наумов. М.: Юристъ, 1996. С. 90.

²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. проф. А. В. Наумов. М.: Юристъ, 1996. С. 91.

²⁵ Бюллетень Верховного суда РФ. 1993. № 2. С. 3.

Заместитель председателя Верховного суда РСФСР опротестовал приговор, указав на то, что прямого умысла на убийство у Михалева не было, и его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 108 и ч. 3 ст. 206 УК РСФСР.

Отклонив протест, Президиум Верховного суда РСФСР указал, что характер избитого Михалевым орудия преступления, нанесение сильного удара ножом в область жизненно важных органов свидетельствуют о прямом умысле на убийство из хулиганских побуждений. Смерть потерпевшего не наступила в силу обстоятельств, не зависящих от воли осужденного²⁶.

Грубой ошибкой суда при рассмотрении дела об умышленном убийстве является нижеследующий факт.

Стежкин поссорился с Таймуровым и ударил его обухом топора по голове. Затем Стежкин затаячил потерпевшего в наполненный водой котлован и стал опускать его голову в воду. Когда Таймуров вырвался и отплыл на середину котлована, Стежкин, угрожая ножом, не давал ему выбраться на берег до тех пор, пока тот не утонул.

Органами предварительного следствия Стежкину было предъявлено обвинение в умышленном убийстве Таймурова по ст. 103 УК РСФСР.

Нижеартровский районный народный суд осудил Стежкина по ст. 106 УК РСФСР за неосторожное убийство Таймурова, указав в приговоре, что он не предвидел возможности наступления смерти потерпевшего, хотя должен был и мог это предвидеть.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ судебное решение по делу отменила и направила дело на новое судебное разбирательство, при котором Стежкин был осужден по ст. 103 УК РСФСР²⁷.

Обращает на себя внимание настойчивость, с которой Стежкин стремился лишить потерпевшего жизни.

Нельзя не считаться с тем, что расследование и рассмотрение в судах дел, связанных с посягательствами на личность, вызывает известные трудности в тех случаях, когда виновные действуют с косвенным умыслом. На примерах из судебной практики обратимся к волевому моменту косвенного умысла, который, как следует из закона, характеризуется тем, что лицо *не желает, но сознательно допускает* наступление общественно опасных последствий либо *относится к ним безразлично*.

Смирнов и Иванов по предварительной договоренности, с целью хищения вещей, проникли в дом 76-летней А. Связали ее и вставили в рот кляп. В процессе связывания Смирнов нанес А. несколько ударов ногами по голове и другим частям тела, причинив тяжкие телесные повреждения, в том числе перелом костей носа, скуловых костей и основания черепа. Похитив интересовавшие их вещи, Смирнов и Иванов скрылись. А. в результате механической асфиксии, развившейся вследствие введения тряпичного кляпа в рот, на месте происшествия скончалась.

²⁶ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1991. № 9. С. 5.

²⁷ См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 6. С. 5.

Органы следствия квалифицировали действия Смирнова и Иванова как разбой, совершенный организованной группой, и корыстное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц.

Суд первой инстанции не нашел в действиях подсудимых признаков умышленного убийства. Действия Смирнова квалифицировал как убийство по неосторожности, а Иванова в совершении убийства оправдал.

Военная коллегия Верховного суда РФ, рассмотрев протест прокурора, отменила приговор, указав на то, что осужденные, зная о преклонном возрасте А., применили к ней насилие, опасное для жизни. Беспомощное состояние А. и физические страдания, которые она испытывала, были для них очевидными, но они безразлично отнеслись к этому и к возможным последствиям, о чем заявили в суде.

Извлечения из определения Военной коллегии опубликованы под заголовком: “Убийство, совершенное с косвенным умыслом, необоснованно признано неосторожным”²⁸.

По одному из дел, рассмотренных в связи с кассационной жалобой осужденного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, оставив приговор (ст. 103 УК РСФСР) без изменения, указала: “...лицо, предвидевшее тяжкие последствия своих действий, но безразлично относившееся к ним, обоснованно признано совершившим преступление с косвенным умыслом”.

Осужденный по этому делу Долганов, с целью не допустить проникновение посторонних лиц в свой огород, оцепил грядку с луком проволокой и подключил ее к электросети напряжением 220 вольт.

Подросток Сергеев подошел к проволоке, которая в это время была под напряжением, коснулся ее рукой и был смертельно травмирован током.

Обвиняемый просил о переквалификации его действий, утверждая, что не предвидел смертельного исхода и, по его мнению, должен нести ответственность за неосторожное преступление.

Согласно заключению электротехнической экспертизы проводка в огороде Долганова не соответствовала правилам техники безопасности. Данное ограждение является абсолютно опасным для жизни человека. При вынесении приговора было учтено, что Долганов работал механиком электростанции, занимался на курсах повышения квалификации. Все это свидетельствует о том, что Долганов, предвидя наступление тяжких последствий, безразлично относился к ним, т. е. действовал с косвенным умыслом на убийство”²⁹.

Пленум Верховного суда СССР, рассматривая в надзорном порядке дело Трясина, который совершил поджог дома, выплеснув ведро бензина на топившуюся печь, в результате чего сгорел дом и погибли от ожогов его жена и сын, весьма наглядно раскрыл сущность косвенного умысла и, в частности, понятия “сознательно допускал”. В Постановлении Пленума говорится: “Вы-плескивая возле топящейся печки бензин, Трясцин тем самым создал обстановку, приведшую к гибели двух человек, сознательно допустив возможность наступления такого вреда, поскольку горючие свойства бензина и исключительная опасность, которая возникает при его воспламенении, общеизвестны. Предотвратить причинение несовместимых с жизнью ожогов находившимся на кухне людям он, по обстоятельствам дела, не мог, и лишь случайность могла бы исключить такой исход, чего, однако, не произошло. При таких обстоятельствах и отсутствии иных соображений, опровергающих это, следует признать, что, совершая преступные действия, направленные на поджог

²⁸ Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 3. С. 8.

²⁹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1982. № 6. С. 6.

дома, Трясцин вместе с тем имел косвенный умысел по отношению к лишению жизни находящихся в нем людей”³⁰.

До сих пор речь шла о предусмотренном в Уголовном кодексе РФ делении умысла на прямой и косвенный с учетом особенностей сочетания в их характеристике интеллектуального и волевого моментов.

Теории уголовного права и судебно-следственной практике известны и другие основания классификации умысла. Так, по времени его возникновения различается умысел *заранее обдуманый* и *внезапно возникший*.

Юридические последствия имеет лишь внезапно возникший умысел под влиянием аффекта, вызванного неправомерными действиями потерпевшего. Наличие такого умысла в сочетании с некоторыми объективными обстоятельствами (отсутствие существенного разрыва во времени между моментом возникновения умысла и действием) дает основание для специфической, выделенной в Особенной части Кодекса, квалификации — убийство или причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст.ст. 107, 113 УК РФ).

В других случаях деление умысла на внезапно возникший и заранее обдуманый четких юридически обозначенных последствий не влечет. Нельзя сказать, что человек, изнасиловавший женщину, случайно встретившуюся ему в безлюдной местности, менее опасен, чем насильник, совершивший изнасилование после тщательно обдумывания ситуации и подготовивший для этого соответствующие условия.

В УК РФ предусмотрено в качестве форм групповой преступной деятельности совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, организованной группой и преступной организацией. Для всех указанных случаев характерен заранее обдуманый умысел.

Другим классификационным критерием деления умысла на категории является степень определенности представлений субъекта о последствиях совершаемого им общественно опасного деяния. В этом случае принято подразделять умысел на *определенный* (конкретизированный) и *неопределенный* (неконкретизированный).

Особое практическое значение имеет неопределенный умысел, выражающийся в том, что виновный предвидит возможность наступления не одного конкретного последствия действий, а нескольких возможных и одинаково относится к их наступлению — либо желает их наступления либо сознательно допускает.

³⁰ Бюллетень Верховного суда СССР. 1976. № 4. С. 23.

В уголовно-правовой науке наряду с неопределенным указывается также и на альтернативный умысел, который отличается от неопределенного только тем, что количество предвиденных виновным общественно опасных последствий его деяния ограничено, а сами эти последствия осознаются им с достаточной определенностью (например, смерть или тяжкое увечье при ударе ножом в живот). Авторы монографии “Умысел и его формы” считают это различие настолько искусственным, что предлагают исходить из тождественности этих видов умысла³¹.

Сложившаяся следственная и судебная практика сводится к тому, что при наличии у виновного неконкретизированного умысла его действия квалифицируются в зависимости от наступивших последствий. Чаще всего такие ситуации возникают при расследовании преступлений против личности, связанных с причинением телесных повреждений.

Вот один из таких примеров.

Климушкин, находясь в нетрезвом состоянии, беспричинно приставал к Котову. Котов оттолкнул его, а когда Климушкин упал, ударил его ногой в лицо и выбил глаз.

Котов был обоснованно осужден по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР за причинение умышленного тяжкого телесного повреждения, так как потеря зрения на один глаз влечет за собой стойкую утрату трудоспособности свыше одной трети — это один из возможных признаков тяжкого телесного повреждения.

Каким был умысел Котова? Он с самого начала стремился причинить Климушкину тяжкое телесное повреждение? Конечно нет. Он предвидел возможность причинения телесного повреждения любой степени тяжести. Причинил тяжкое телесное повреждение. За это и был осужден.

Здесь необходима оговорка. Не всегда при квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью следует руководствоваться характером наступивших последствий. Эта рекомендация относится лишь к преступлениям, совершенным с неопределенным умыслом.

Представим себе для уяснения вопроса следующую ситуацию.

К., заподозрив мужа в неверности и узнав, что ее вероятная соперница работает вместе с ним, решила “отреагировать” на этот факт. К моменту окончания работы в КБ, где работал ее муж, К., захватив с собой бутылку с серной кислотой, подошла к проходной. Увидев мужа и его знакомую выходящими из дверей проходной, К. выплеснула кислоту в направлении лица соперницы. Основная часть кислоты попала на дорогостоящий плащ потерпевшей и лишь несколько капель на лицо, причинив ей легкий вред здоровью.

Из чего следует исходить, квалифицируя действия К.? Думается, из направленности ее умысла, который, исходя из приведенных выше обстоятельств, состоял в желании причинить потерпевшей неизгладимое обезображение лица, то есть тяж-

³¹ См.: Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 97—98.

кий вред здоровью. Замысел довести до конца не удалось, хотя действия К. были непосредственно направлены на совершение преступления. Значит, содеянное следует квалифицировать как покушение на причинение тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, если лицо стремится причинить более тяжкий вред, чем фактически наступил (умысел определенный), совершенное следует квалифицировать как покушение на более опасное преступление.

III. НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Актуальность исследования проблемы неосторожной вины связана с тем, что в условиях научно-технического прогресса число преступлений, совершенных по неосторожности, постоянно возрастает, и значительно повышается их опасность для личности, общества и государства. Вспомним, что в основе трагедии века — аварии на Чернобыльской АЭС — лежит неосторожная вина лиц, отвечавших за безопасность функционирования станции.

Отмечая особую сложность неосторожной вины, Р. И. Михеев объясняет это тем, что неосторожные преступления связаны с нарушением различных, порой весьма многочисленных правил безопасности, установленных в разных сферах деятельности человека; преступный результат в этих деяниях часто является следствием нарушений со стороны различных субъектов, в том числе и потерпевшего. Кроме того, наступлению преступного результата нередко способствует не только поведение самого субъекта, но и острая, порой экстремальная ситуация, скрытые особенности используемых технических средств³².

В криминологическом плане важна классификация неосторожных преступлений в зависимости от сферы деятельности, в которой они совершены

П. С. Дагель, специально исследовавший этот вопрос, считает возможным деление неосторожных преступлений на бытовые и профессиональные³³.

В статье 26 УК РФ предусматривается два вида неосторожной вины — *легкомыслие* и *небрежность*.

Каждый из видов неосторожности имеет специфические особенности и заслуживает самостоятельного рассмотрения. Четкое представление о всех деталях характеристики неосторожной вины необ-

³² Михеев Р. И. Принцип субъективного вменения и его реализация в правоприменении // Уголовно-правовые исследования: Сборник статей. Тбилиси, 1987. С. 83.

³³ Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 17.

ходимо в связи с тем, что на практике нередко встречаются ошибки, связанные с разграничением легкомыслия и косвенного умысла, небрежности и невиновного причинения.

“Преступление признается совершенным по легкомыслию,— говорится в части второй статьи 26 УК РФ,— если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий”.

Сравнение определений легкомыслия и косвенного умысла позволяет сделать вывод, что по признаку предвидения лицом возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) эти формы вины совпадают. Хотя следует отметить, что характер предвидения при косвенном умысле отличается большей определенностью, конкретностью.

Другие элементы косвенного умысла и легкомыслия не совпадают. В определение косвенного умысла входит осознание общественной опасности своих действий (бездействия), в определении легкомыслия эта характеристика отсутствует. Главное же отличие легкомыслия от косвенного умысла состоит в волевом моменте: лицо, действующее с косвенным умыслом, безразлично к последствиям своих действий либо сознательно их допускает; при легкомыслии лицо, хотя и самонадеянно, без достаточных к тому оснований, но рассчитывает на предотвращение предвиденных последствий.

В. Г. Макашвили считал, что в основании косвенного умысла и самонадеянности (по УК РФ 1996 г. — легкомыслие) лежат различные свойства личности. “Общественная опасность лица, действующего с эвентуальным умыслом,— писал он,— коренится в антисоциальном эгоизме, а общественная опасность преступной самонадеянности сводится к недопустимому легкомыслию и опрометчивости”³⁴.

Весьма наглядно различие между легкомыслием и косвенным умыслом прослеживается на следующем примере.

Заведующий складом воинской части Т. с целью отпугивания пасшегося около склада скота подключил проволочную ограду склада к электрической сети напряжением 220 в. Во избежание неприятностей Т. опробовал действие тока на себе и принял ряд других, достаточных, с его точки зрения, мер предосторожности: перед входом на склад прикрепил на видном месте щит с предостерегающей надписью “забор под напряжением”, на щите был нарисован череп, скрещенные кости и написано “Смерть!”.

³⁴ Макашвили В. Г. Указ соч. С. 31.

В один из дней, после дождя, гражданка К., разыскивавшая свою козу вдали от предупреждающего щита, дотронулась до проволоки руками и была убита электро-током. Военный трибунал осудил Т. за умышленное убийство (с косвенным умыслом).

Рассмотрев в надзорном порядке дело Т., Военная коллегия Верховного суда СССР, переквалифицировала действия виновного на неосторожное убийство (преступная самонадеянность), указав в своем определении, что Т. принял меры по предотвращению возможности неблагоприятных последствий, но они оказались недостаточными³⁵.

Ситуации, связанные с легкомыслием, довольно типичны для дорожно-транспортных происшествий, влекущих ответственность по ст. 264 УК РФ. Вина правонарушителя часто характеризуется тем, что он, предвидя рискованный характер своих действий (например, превышение скорости) и понимая, что они могут создать аварийную обстановку (предвидит возможность наступления общественно опасных последствий), самонадеянно рассчитывает на то, что его опыт, хорошее состояние машины, надежное здоровье позволят ему избежать аварии, которая, однако, происходит. Легкомыслие в данном случае могло проявиться в том, что водитель не учел метеорологического фактора или изменения условий (например, появление оледенения трассы, листопад).

Другим видом неосторожности является *небрежность*.

“Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия” (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Исследованию неосторожной вины в правовой, в частности уголовно-правовой науке, уделено достаточно много внимания, особенно небрежности, в известной мере уникальному виду вины.

Интересна позиция по этому вопросу Н. С. Таганцева: “Основа наказуемости случаев этого рода лежит в неисполнении обязанности действовать осторожно, в недостатке правомерной воли: виновный мог предвидеть, что из его действия произойдет вред охраняемому интересу, но не оказал надлежащей заботливости, вред произошел, а поэтому он и отвечает за него в уголовном порядке... Наказывая неосторожность, государство осуществляет общие задачи наказания: с одной стороны, побуждая наказываемого быть более внимательным к своим действиям и их возможным результатам, а с другой — укрепляя в общественном сознании идею о необходимости быть внимательным и об опасности непредусмотрительности, и, наконец, успокаивает общественное сознание,

³⁵ Бюллетень Верховного суда СССР. 1962. № 4. С. 40.

взволнованное проявлением легкомыслия, самомнения, нерешительности, повлекших десятки, а иногда и сотни жертв³⁶.

Обоснование вины при небрежности связано с большими трудностями, вызываемыми, в частности, тем, что, по мнению В. Г. Макашвили, “у лица... нет ни воли, направленной на осуществление общественно опасного последствия, ни даже представления о связи своего поступка с наступлением конкретного последствия”. И далее: “Реальная возможность предвидения лицом последствий своей деятельности означает, что в психике лица уже в момент совершения действия (или бездействия) существовали реальные предпосылки для ее осуществления. Лицо обладало достаточными знаниями в той области, деятельность в которой оно осуществляло, достаточным опытом...

И если лицо не превратило этой возможности в действительность... то это объясняется тем, что оно не применило своих внутренних сил, не проявило волевого напряжения для правильной оценки создавшейся ситуации... Эта непредусмотрительность и невнимательность, означая отсутствие должной воленаравленности, позволяет устанавливать упречный характер волевого акта лица, действовавшего с преступной небрежностью³⁷.

М. Г. Угрехелидзе, определяя значение норм предосторожности в регулировании поведения людей, писала: “В обществе, в отличие от биологического мира, каждый индивид в той или иной мере ориентирован на определенные социальные ценности. Это означает, что сам индивид и его личные блага не являются для него единственной ценностью. Кроме самого себя в систему своих ценностей каждый человек включает других индивидов, а также ценности, представляющие интерес для всего общества. В соответствии с этим в процессе общественной жизни у людей зарождаются, развиваются и фиксируются потребности в создании и защите социальных ценностей... Когда человек занимается определенной деятельностью, сопряженной с опасностью, он тем самым вступает в ситуацию, которая с самого начала содержит в себе сигнал или информацию о том, какие способы поведения могут привести к повреждению социальных благ, а какие не могут...

Если человек не использует такую реальную возможность, в результате чего будет причинен вред (или возникнет опасность вреда), то это свидетельствует о том, что в момент невнимательного

³⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. I. М., 1994. С. 253—254.

³⁷ Макашвили В. Г. Указ. соч. С. 13, 92.

поведения требования нормы предосторожности, равно как и социальное благо, защищаемое этой нормой, не включились в систему важных для индивида ценностей, им не отводилось надлежащее место в ценностной психологической структуре индивида³⁸.

Применительно к волевому аспекту неосторожной вины заслуживает внимания мнение известного психолога С. Л. Рубинштейна: «...воля, в специфическом для человека смысле этого слова... предполагает существование общественной жизни, в которой поведение людей регламентируется нравственностью и правом»³⁹.

Волевой момент преступной небрежности включает объективный критерий (лицо должно было предвидеть последствия) и субъективный (могло их предвидеть). Их установление является важнейшей задачей следователя, расследующего неосторожное преступление.

Установление объективного критерия обычно не вызывает серьезных затруднений. Лицо должно *предвидеть последствия* в силу своего служебного положения, профессиональных обязанностей (шофер, работник спасательной станции на детском пляже, воспитатель детского сада, дежурный энергоблока и т. п.) или требований общей предусмотрительности (вовлечение человека, не умеющего плавать, в купание в неизвестном водоеме).

Иными словами, объективный критерий небрежности носит нормативный характер. В него входят требования, предъявляемые к лицу, зафиксированные в законе, подзаконных актах, правилах, определяющих его функциональные обязанности. В быту обязанность предвидеть те или иные последствия своих действий вытекает из общепринятых правил жизненной предосторожности.

Значительно сложнее установить субъективный критерий небрежности — *возможность предвидения последствий*, которая зависит от различных обстоятельств: опыта работы лица, состояния его здоровья и др.

Вместе с группой лиц, совершивших хищение в крупном размере, за халатность была привлечена к ответственности и осуждена к исправительным работам молодая женщина М., проработавшая несколько месяцев бухгалтером и осуществлявшая учет материальных ценностей. Было установлено, что она неквалифицированным учетом существенно способствовала хищению материальных ценностей. Лишь высокая надзорная инстанция признала ее осуждение неправильным. Как выяснилось, М. была назначена на должность бухгалтера, не имея никакой бухгалтерской подготовки, временно и при внезапно возникших обстоятельствах — надо было

³⁸ Угрехелидзе М. Г. Проблемы неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976. С. 59—62.

³⁹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 510.

срочно заменить уехавшую ее предшественницу. Таким образом, М. *должна* была предвидеть последствия своей работы — должность обязывала, но *не могла*, не имея навыков ведения бухгалтерской отчетности.

Вот пример обоснованного осуждения при наличии неосторожной вины.

Участковый инспектор Ф. вместе со своей знакомой И. зашел к ее сестре, где выпил стакан водки. Во время застолья ребенок сестры И. заплакал. Женщины начали его успокаивать, сказав, что если он не замолчит, “дядя милиционер возьмет его в мешок”. Для усиления воздействия Ф. достал из кобуры пистолет, оказавшийся в заряженном состоянии, снял с предохранителя и нажал на курок. Выстрелом была убита И.

При расследовании обстоятельств дела Ф. показал, что за 20 дней до случившегося он участвовал в тренировочных стрельбах, не разрядил пистолет, но поставил его на предохранитель. После этого он пистолет из кобуры не вынимал и забыл, что оружие заряжено. Выстрел был для него полной неожиданностью, то есть Ф. *не предвидел* последствий своих опасных манипуляций с оружием, но *должен был и мог*, как работник милиции, знающий материальную часть оружия, предвидеть эти последствия.

Известную трудность при квалификации представляют случаи, когда умышленные действия лица переплетаются с последствиями его же неосторожных действий.

Шахову, осужденному за хулиганство (что не оспаривалось в дальнейшем), первоначально было предъявлено обвинение и по ст. 108 УК РСФСР за умышленное причинение тяжких телесных повреждений одному из находившихся вблизи граждан. Выдворенный за хулиганские действия из закусочной, Шахов побежал в направлении гражданина Штейникова, замахнулся на него рукой, но не удержался на ногах и упал на него. При падении и ударе об асфальт Штейников получил черепно-мозговую травму. Это обстоятельство и было положено в основу предъявленного Шахову обвинения в причинении умышленного повреждения. По протесту прокурора Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР изменила приговор, указав, что, сбивая Штейникова с разбега своим телом и падая на него, Шахов не предвидел возможности наступления тяжких повреждений, но *мог и должен был* их предвидеть, в связи с чем его действия должны быть переквалифицированы с ч. 1 ст. 108 на ч. 1 ст. 114 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за неосторожное причинение тяжкого телесного повреждения⁴⁰.

IV. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ

Вопрос об ответственности за преступление, совершенное с двумя формами вины, для российского уголовного права не новый, однако в нормативном порядке он впервые решен лишь в Уголовном кодексе РФ 1996 г. (ст. 27).

⁴⁰ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1985. № 4. С. 7.

Среди ученых-юристов по этому вопросу в прошлом возникали споры, было немало противников идеи допустимости “двойной”, “сложной”, “смешанной” вины (так именовались случаи совершения преступления с двумя формами вины). Самым убедительным возражением считалась ссылка на то обстоятельство, что в материальных составах проблема вины предполагает комплексное решение вопроса о психическом отношении лица к своим общественно опасным деяниям и их последствиям. С учетом особенностей состава и законодательных формулировок умысла и неосторожности конкретное преступление поэтому может быть либо умышленным либо неосторожным.

Такое возражение игнорировало факт наличия сложных составов, характеризующихся не одним последствием (при простом составе), а двумя и более (в квалифицированном составе). В этих случаях следует говорить об умысле по отношению к основному последствию (например, тяжкому вреду здоровью — ч. 1 ст. 111 УК) и неосторожности в отношении более опасных последствий (смерти потерпевшего — ч. 4 ст. 111 УК).

Включение в УК РФ 1996 г. ст. 27 — важное усовершенствование в конструкции вины, могущее серьезно помочь практике.

В этой статье говорится: *“Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно”*.

В формулировке ст. 27 УК РФ совершенно отчетливо сказано о двух формах вины. В соответствии со ст. 24 УК РФ к формам вины относятся умысел и неосторожность. Стало быть в ст. 27 УК РФ идет речь лишь о сочетании умысла и неосторожности в любом ее виде (легкомыслия или небрежности). Если же виновный, желающий причинить тяжкое телесное повреждение (прямой умысел), сознательно допускает возможность смерти потерпевшего (косвенный умысел), ни о какой “смешанной” вине речи быть не может. Налицо убийство с косвенным умыслом.

В Особенной части УК РФ содержится 17 статей, предусматривающих ответственность за преступления, характеризующиеся двумя формами вины.

К ним относятся:

ст. 111 ч. 4 — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего;

ст. 123 ч. 3 — незаконное производство аборта, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей или причинение тяжкого вреда ее здоровью;

ст. 230 ч. 3 — склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия;

а также статьи: 126 ч. 3; 127 ч. 3; 128 ч. 2; 131 ч. 3; 132 ч. 3; 152 ч. 3; 167 ч. 2; 205 ч. 3; 206 ч. 3; 211 ч. 2; 227 ч. 3; 232; 247; 267 УК РФ.

За последние годы накоплен большой опыт применения ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ), предусматривающей ответственность за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего, в новой редакции — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

В этом случае виновный, действуя умышленно, желал причинить тяжкий вред здоровью или сознательно допускал причинение такого вреда. Результатом же его действий оказалась смерть потерпевшего. Такого последствия виновный не предвидел, хотя должен был и мог это предвидеть.

Курсант морского училища Шостенко, во время ссоры в каюте учебного корабля с курсантом Дедюрой, ударил последнего кулаком в левую часть лица, после чего Дедюра почувствовал головную боль и был помещен в судовой лазарет, на следующий день в госпиталь, где скончался от причиненной ему черепно-мозговой травмы.

Органы предварительного следствия квалифицировали действия Шостенко по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

Суд осудил Шостенко за неосторожное убийство (ст. 106 УК РСФСР).

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене приговора и кассационного определения по делу, указав на то, что, нанося сильный удар кулаком в левую височную часть головы потерпевшего, Шостенко действовал с косвенным умыслом на причинение тяжких телесных повреждений и неосторожно по отношению к наступившим последствиям — смерти потерпевшего. Суд не учел тот факт, что Шостенко два года занимался дзю-до и имел квалифицированные навыки силового воздействия на человека.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ протест удовлетворила, отменив судебные решения по делу и направив дело на новое судебное рассмотрение⁴¹.

Ситуация по другому делу характеризовалась тем, что в ссоре один подросток ударил другого ножом в ягодицу. Рана оказалась опасной, потерпевший с опозданием обратился за медицинской помощью и скончался от потери крови.

Удар ножом в ягодицу с большой силой свидетельствует о наличии у виновного неопределенного умысла на причинение вреда здоровью любой степени тяжести (по

⁴¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 6. С. 10.

последствиям вред оказался тяжким). Умысел на убийство, судя по локализации удара, у виновного отсутствовал, он не предвидел возможности наступления смерти, но, исходя из требований общей предосторожности, должен был и в данной обстановке мог предвидеть, что его действия приведут к такому исходу. Правильная квалификация в данном случае — ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении № 15 от 22 декабря 1992 г. “О судебной практике по делам об умышленных убийствах” указал: “Судам необходимо отграничивать умышленное убийство от умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, когда отношение виновного к наступлению смерти выражается в неосторожности”⁴².

Аналогичные указания содержатся и в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 “О судебной практике по делам об умышленных убийствах”.

V. НЕВИНОВНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

Включение в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы о невинновом причинении вреда (ст. 28) — серьезное достижение на пути совершенствования уголовного законодательства России, конкретизации принципа вины (ст. 5), в соответствии с которым *“объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невинновое причинение вреда, не допускается”*.

Статья 28 УК РФ значительно расширила представление о невинновом причинении вреда — случае (казусе). Вместо одного варианта случая, ранее известного нашему уголовному праву, законодатель называет три. Два из них — в ч. 1 ст. 28 УК РФ: *“Деяние признается совершенным невинново, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть”*.

Во второй части ст. 28 УК РФ дан третий возможный вариант невиннового причинения: *“Деяние признается также совершенным невинново, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств*

⁴² Бюллетень Верховного суда РФ. 1993. № 2. С. 3.

требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам”.

Проиллюстрируем это на примерах из практики.

Народным судом Тюменской области Шабуров был осужден по ч. 2 ст. 127 и ч. 2 ст. 211 УК РСФСР. Кассационная инстанция и президиум облсуда, рассматривавший протест прокурора области, поставившего вопрос о прекращении дела по ч. 2 ст. 127 УК РСФСР, согласились с приговором народного суда. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР удовлетворила протест заместителя прокурора РСФСР о прекращении дела в отношении Шабурова по ч. 2 ст. 127 УК РСФСР, указав на то, что диспозиция ч. 2 ст. 127 УК РСФСР предусматривает ответственность лишь в случае заведомого оставления без помощи лица, находившегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению.

Фактические обстоятельства дела сводятся к следующему: Шабуров, управляя мотоциклом в нетрезвом состоянии, нарушил правила дорожного движения и совершил наезд на 12-летнего мальчика, который от удара упал на коляску, а затем на дорогу, встал и самостоятельно ушел с места происшествия к своему деду. Позднее мальчика доставили в больницу, где было установлено, что ему при наезде причинены тяжкие телесные повреждения.

Обосновывая прекращение дела по ч. 2 ст. 127 УК РСФСР, Коллегия указала на то, что с учетом конкретных обстоятельств происшествия Шабуров не мог знать, что потерпевшему причинены тяжкие телесные повреждения и он нуждается в неотложной медицинской помощи⁴³.

Наиболее распространены случаи невиновного причинения, когда лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

Вот один из таких примеров.

Шарапов с группой своих знакомых, в их квартире, распивал спиртные напитки. Зайдя в соседнюю комнату, он взял обрез, принадлежавший Курочкину, принес его в комнату, где сидели другие лица, шутя направил ствол на себя и нажал на курок. Выстрела не последовало. После этого Шарапов наставил обрез на Курочкина и вновь нажал на курок. Раздался выстрел и Курочкину было причинено огнестрельное ранение в голову, от которого он скончался. Шарапов был осужден за неосторожное убийство. Суд, признавая Шарапова виновным, указал, что он при обращении с огнестрельным оружием не проявил осмотрительности, не убедился в том, что обрез не заряжен, хотя должен был и мог предвидеть, что в результате выстрела может лишиться Курочкина жизни. Криминалистическая экспертиза установила, что обрез был неисправен, и выстрел следовал только после второго удара бойка по капсюлю патрона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР удовлетворила протест Председателя Верховного суда РСФСР, отменила приговор и другие решения по делу, производство по нему прекратила за отсутствием в действиях Шарапова состава преступления.

⁴³ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1980. № 11. С. 3—4.

Коллегия указала на то, что прежде чем навести обрез на потерпевшего, Шарпов направил ствол на себя и нажал на курок, но выстрела не последовало. Это давало ему основание предположить, что обрез не заряжен, о неисправности обреза ему не было известно⁴⁴.

Второй случай признания последствия невиновно причиненным относится к делу Бигаева, суть которого сводится к следующему.

Водитель Бигаев на грузовой машине возил из карьера гравий. Возвращаясь с грузом, он посадил в кабину рабочих карьера Рязанцева и Жукова, просивших Бигаева подвезти их к месту жительства. Остановив машину у тротуара, Бигаев высадил Рязанцева и Жукова. Рязанцев, захлопнув дверцу, сказал Бигаеву: “Поезжай!”. Проехав несколько метров, Бигаев услышал крик: “Стой!”. Оказалось, что при выходе из машины Рязанцев рассыпал картошку, находившуюся у него в сумке, и полез под двинувшуюся машину собирать ее, в результате попал под правое заднее колесо машины и был задавлен насмерть.

Приговором районного народного суда Бигаев был осужден по ч. 2 ст. 211 УК РСФСР за нарушение правил безопасности движения автотранспорта, повлекшее смерть потерпевшего. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор и кассационное определение по делу Бигаева, указав, что он не нарушал правил безопасности движения, не предвидел и не мог предвидеть, что Рязанцев полезет под машину и попадет под колесо⁴⁵.

Еще один пример.

Армавирский горсуд осудил по ст. 106 УК РСФСР Дудкина за неосторожное убийство своего зятя Мирзаева.

Встретив на улице Мирзаева, находившегося в сильной степени опьянения, Дудкин пытался увести его домой. Мирзаев сопротивлялся, вырывался, затем споткнулся, стал падать и потянул Дудкина на себя. Оба упали на тротуар. Дудкин, падая, попал коленом в область груди и живота Мирзаева и, имея вес 123 кг, причинил ему тяжкие телесные повреждения в виде перелома ребра справа и массивного разрыва печени, от которых Мирзаев умер.

По протесту заместителя Председателя Верховного суда РФ Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отменила приговор и кассационное определение и дело прекратила, указав на то, что Дудкин не предвидел возможности своего падения на Мирзаева, попадания при этом коленом в область живота и груди, наступления смерти потерпевшего в результате этого падения и по обстоятельствам дела не мог и не должен был предвидеть этого. Следовательно, Дудкин не может нести ответственность за неосторожное убийство, поскольку имел место несчастный случай⁴⁶.

Надзорная практика высших судебных инстанций подтверждает, что установление отсутствия у лица, осужденного за неосторожные преступления, возможности предвидеть наступление вредных по-

⁴⁴ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1981. № 10. С. 4—5.

⁴⁵ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР 1964—1972 гг. М., 1974. С. 36—37.

⁴⁶ Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 10. С. 5.

следствий своих действий неукоснительно ведет к прекращению дела за отсутствием состава преступления.

Так, Фейзулаев был осужден за нарушение правил безопасности дорожного движения, повлекшее гибель двух человек и причинение телесных повреждений еще трем лицам. Несчастье произошло из-за того, что Фейзулаев, следуя на грузовом автомобиле “КамАЗ”, столкнулся с автомобилем “ВАЗ”, водитель которого, выезжая со второстепенной дороги на шоссе, грубо нарушил правила дорожного движения, не отреагировал на световой и звуковой сигналы, которые подавал Фейзулаев.

Прекращая дело Фейзулаева за отсутствием в его действиях состава преступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении указала: “То, что Фейзулаев не смог уклониться от столкновения, не может быть вменено ему в вину, поскольку он не должен был исходить из возможности грубого нарушения правил дорожного движения другим водителем; он не предвидел, не должен был и не мог предвидеть, что автомобиль “ВАЗ” не остановится перед выездом на главную дорогу и не пропустит автомобиль “КамАЗ”⁴⁷.

Под признаки невиновного причинения вреда, содержащиеся в части второй ст. 28 УК РФ, подпадают факты, связанные с экстремальными обстоятельствами, в которых находится действующее лицо, невиновно причиняющее вред. Причинители вреда в таких случаях действуют в условиях нервных и физических перегрузок, запредельной утомленности, которая в иной ситуации вызвала бы прекращение деятельности, но чрезвычайные обстоятельства (необходимость вывоза пострадавших при стихийных бедствиях, подвоза спасателей, строительных материалов и т. п.) требовали, например, от водителя продолжения работ и он, уснув за рулем, совершил аварию, повлекшую человеческие жертвы.

Из приведенных выше примеров видно, что невиновное причинение вреда, исключающее уголовную ответственность, граничит с небрежностью. Их отличие состоит в том, что при невиновном причинении у действующего лица отсутствует возможность, а иногда и обязанность предвидеть наступившие последствия, которые фактически оно не предвидело.

⁴⁷ См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1987. № 4. С. 24—25.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1996.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Вердикт, 1996.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. проф. А. В. Наумов. М.: Юрист, 1996.
4. Учебник уголовного права. Общая часть. М.: Спарк, 1996.
5. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
6. Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977.
7. Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток, 1968.
8. Зелинский А. Соотношение умысла и неосторожности // Советская юстиция. 1975. № 3.
9. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., 1972.
10. Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957.
11. Малков В. П. Субъективные основания уголовной ответственности // Государство и право. 1995. № 1.
12. Петелин Б. Я. Комплексный подход к исследованию субъективной стороны преступления // Советское государство и право. 1976. № 6.
13. Пинчук В. И. Ответственность за неосторожные преступления по новому УК // Законность. 1997. № 4.
14. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. Саратов, 1987.
15. Рарог А. И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991.
16. Таганцев Н. Г. Русское уголовное право: Лекции. Общая часть. Т. 1. М., 1994.
17. Угрехелидзе М. Г. Проблемы вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976.
18. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950.

Судбно-следственная практика

- Бюллетень Верховного суда СССР. 1986. № 2. С. 36—37; № 4. С. 5—6; 1987. № 4. С. 24—25; № 5. С. 15—19; 1989. № 1. С. 29—31, 35—38.
- Вестник Верховного суда СССР. 1991. № 9. С. 10—11.

Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1986. № 5. С. 6—7; 1987. № 1. С. 5—6; 1991. № 9. С. 5.

Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 4. С. 3—4; № 6. С. 5; № 10. С. 5—6; 1995. № 6. С. 10; 1997. № 3. С. 8.

Социалистическая законность. 1987. № 11. С. 7—8; 1989. № 3. С. 76—77.

Законность. 1994. № 3. С. 61—62; № 9. С. 60—61.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПОНЯТИЕ ВИНЫ (ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ).....	3
II. УМЫСЕЛ.....	8
III. НЕОСТОРОЖНОСТЬ.....	17
IV. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ.....	22
V. НЕВИНОВНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА.....	25
ЛИТЕРАТУРА.....	29

*Владимир Иванович ПИНЧУК,
доктор юридических наук, профессор*

В И Н А

Учебное пособие

ЛГ № 020979 от 17 апреля 1995 г.

*Редакторы Н. Я. Ёлкина,
Т. И. Сьюлгина
Компьютерная верстка
Н. В. Валерьянова
Корректор Ю. А. Веселова*

Подписано к печати 03.03.98 г. Печ. л. 2,0 Уч.-изд. л. 2,5
Тираж 500 экз. (3-й завод 301 — 400 экз.) Заказ 1191.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

Отпечатано с оригинал-макета в печатно-множительной лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ